

ПРАВОСЛАВНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

Священник
Владимир Русин

Я за веру ГОТОВ УМЕРЕТЬ

Жизнеописание священника
Никиты Котенёва

Издание Свято-Покровского храма села Кунье
Горшеченского района Курской области

2011

ББК86.372 Бел
Р 88

Книга передана
в Издательский Совет
Русской Православной Церкви
для присвоения разрешающего грифа.
Сигнальный тираж.

Священник Владимир Михайлович Русин.

Я за веру готов умереть. Жизнеописание священника Никиты Котенева. Кунье: Издание Покровского храма села Кунье Горшеченского района Курской области, 2011. 56 с. (Серия «Православное краеведение»).

«Я за веру готов умереть. Жизнеописание священника Никиты Котенева» — седьмая книга, изданная в серии «Православное краеведение». Журнальная версия очерков, составивших данную брошюру, публиковалась на страницах газеты «Православное Осколье» в 2009–2010 годах.

В настоящее время материалы о жизни и мученической кончине иереев Никиты Котенева и Василия Емельянова переданы в Синодальную комиссию по канонизации святых Русской Православной Церкви.

Корректор: Евгения Драчевская
Дизайн и верстка: Александр Рудаков

Я за веру готов умереть **Жизнеописание священника Никиты Котенева** **(1882–1937)**

Священник Никита Ильич Котенев родился 15/28 сентября 1882 года в деревне Котеневка Старооскольского уезда Курской губернии¹. Отец и мать его, Илья и Марфа Котеневы (по подворью — Антоновы), были простыми крестьянами. Сына своего они нарекли в честь великомученика Никиты, который и стал небесным покровителем будущего священника. Святого великомученика Никиту в IV веке жестокими мучениями принуждали отречься от Христа и, не добившись желаемого отречения, бросили в огонь². Иерей Никита Котенев свидетельствовал о Христе в 30-е годы XX века, когда с особой яростью разгорелся огонь безбожия. Незадолго до своей мученической кончины отец Никита написал, что он за веру готов умереть. 25 сентября 1937 года священник Никита Котенев был расстрелян³.

Часть первая: **«Я верующий»**

Следователя, который вел дело батюшки, особенно задели его слова: «... я верующий со своим семейством»⁴.

¹ Ныне село Котеневка входит в состав Старооскольского района Белгородской области. Располагается у самого карьера Стойленского ГОКа, с южной стороны.

² Великомученик Никита и преподобный Никита Переславльский. Житие. Акафисты. Чудеса. — Переславльский Никитский монастырь. Переславль-Залесский, 2009. — 72 стр., стр. 35.

³ Архив УФСБ РФ по Белгородской обл. Архивно-уголовное дело №332. Л. 22.

⁴ Архив УФСБ РФ по Белгородской обл. Архивно-уголовное дело №332. Л. 19

Сотрудник НКВД их даже подчеркнул карандашом.

Протоколы допросов, свидетельские показания, агентурные донесения и прочие материалы из следственного дела расстрелянного священника, а так же воспоминания о нем родственников и односельчан позволили нам составить настоящее описание жизни иерея Никиты. В дальнейшем это жизнеописание может послужить основой для написания жития.

Портной из Котеневки

Никита рос с верой в Бога и с любовью к Церкви. Учился он в церковно-приходской школе при храме святителя Николая⁵ в селе Верхнечуфичево⁶ и долгое время оставался прилежным прихожанином этой церкви. В храм Никита Котенев всегда приходил рано, не дожидаясь колокольного звона. Службу церковную он хорошо знал, и со временем священники стали привлекать его к участию в богослужении в качестве чтеца. Продолжить учебу в духовном или ремесленном училище Никите Котеневу не удалось. В семье требовались рабочие руки. Он поступил в подмастерье к немому портному, жившему в селе. Немой учитель был суровым наставником и, если ученик допускал ошибку, бил его аршином. Но Никита оказался способным учеником, и вскоре мастер, проверявший его работу, использовал аршин лишь по прямому назначению.

⁵ Деревянный храм святителя Николая построен в 1868 году. Разрушен в советское время. Имя последнего священника этой церкви — Мефодий

⁶ Ныне село Верхнечуфичево (вернее, то, что осталось от этого села) входит в состав Старооскольского района. У жителей Старого Оскола и окрестностей название села ассоциируется с телевышкой и большой городской свалкой.

Когда Никита Ильич сам стал мастером, он приобрел ножную швейную машинку и альбом с рисунками разнообразных фасонов одежды. Шил Котенев для людей разного достатка. С бедных никогда плату не брал, лишь просил молиться за него.

К портному из Котеневки часто обращались с заказами не только односельчане и жители окрестных деревень, но и горожане — старооскольцы. Работал он и на дому, и на выезде. Бывало, забирали Никиту Ильича с машинкой в понедельник, а привозили домой только в субботу. Всю неделю он трудился не покладая рук. Ложился спать после полуночи, а в три часа утра уже вставал. Но вечером в субботу и в воскресенье с утра он оставлял все свои портные труды, какими бы выгодными ни казались заказы, и шел в храм.

И жене своей Никита Ильич воспрещал выносить на продажу фрукты и овощи, пока не отошла служба в храме. Супруга часто волновалась, что в конце базарного дня покупателей на ее товар не найдется. Однако никогда не перечила мужу, и всегда в считанные минуты у нее все разбирали.

Никита Котенев женился на Матрене Ананьевской, дочери мирового судьи из Долгой Поляны, девушке благочестивой, совершившей пешее паломничество в Киево-Печерскую лавру. В 1908 году родилась у супругов Котеневых дочь Анна, в 1912 году — сын Иван, в 1914 году — дочь Евдокия, в 1918 году — сын Федор, и в 1924 году — дочь Пелагия. Были и другие дети, но они умерли во младенческом возрасте.

В начале Первой Мировой войны Никита Котенев был мобилизован на фронт. Дочь Евдокия, родившаяся в день праздника Преображения Господня в 1914 году, первые месяцы своей жизни росла без отца. Однажды

маленькая девочка долго плакала («голосила») в святом углу под иконами. «Папу вымаливает», — говорили родные. А под вечер отец Никита и в самом деле вернулся домой. Комиссовали его с фронта по болезни сердца.

В годы революции и гражданской войны этот «белый билет» избавил Котенева от участия в военных действиях на чьей бы то ни было стороне. Он трудился и молился, перенося все невзгоды и лишения того смутного времени.

В начале 1920-х годов вернулся в Котеневку Косьма Павлович Котенев, родной дядя Никиты Ильича, подвизавшийся до революции в одном из монастырей. Советская власть монастыри закрыла и начала охоту на монашествующих. Косьма Котенев недолго прожил в миру, став жертвой несчастного случая.

В 1929 году власти перешли в решительное наступление против Церкви и привычного крестьянского уклада жизни. Были раскулачены и высланы на север многие крестьянские семьи Котеневки, в том числе семья сестры Никиты Котенева. Представители власти шли описывать имущество и у Котеневых в отсутствие главы семейства. Однако Матрона Яковлевна, предупрежденная об этом, успела закрыть дом и спрятаться с детьми в зарослях бурьяна. По всей видимости, в эту пору была закрыта и церковь в Верхнечуфичево.

Никита Ильич стал чаще бывать на богослужении в старооскольских городских храмах. В 1929 году Старый Оскол ненадолго превратился в центр новообразованного административного округа, входившего в состав Центральной Черноземной области. В том же году была учреждена Старооскольская епархия, объединившая все православные приходы округа. В декабре 1929 года в Старый Оскол прибыл и первый епископ Старо-

оскольский — Онуфрий (Гагалюк)⁷. К архиерею тут же стали обращаться верующие из разных сел с просьбой прислать к ним священника. Епископ в свою очередь обратился к местным священнослужителям, чтобы они представили кандидатов для рукоположения в священный сан. Протоиерей Василий Иванов⁸, благочинный Старооскольского церковного округа, обратил внимание владыки на портного из Котеневки.

Чистое сердце

Однажды на Божественной Литургии в Богоявленском соборе⁹ епископ Онуфрий благословил Никиту Ильича читать зачало из Апостола. После службы позвал его на беседу и предложил послужить Богу и Церкви в священном сане.

— Владыко святой, — сказал, чуть не плача, Никита Ильич, — я же малограмотный, в семинарии не учился, только церковно-приходскую школу окончил.

Епископ, которому Господь даровал ведение многих сокровенных вещей, это знал. Знал он и то, что священническое служение иерея Никиты Котенева будет недолгим и увенчается мученической кончиной. До-

⁷ Священномученик Онуфрий (Гагалюк Антон Максимович) управлял Старооскольской епархией в 1929–1933 гг. Расстрелян на Дальнем Востоке 1 июня 1938 г.

⁸ Протоиерей Василий Михайлович Иванов был арестован 20 декабря 1937 года и умер от рака в Валуйской тюрьме летом 1938 года. Источник: Архив УФСБ РФ по Белгородской обл. АУД №3038.

⁹ Богоявленский собор в Старом Осколе во время пребывания в городе священномученика Онуфрия был кафедральным храмом. Построен в 1848 году. В середине 1930-х годов в храме и на прилегающей территории разместили военных. К началу Великой Отечественной войны храм уже был взорван.

гадывался об этом и сам Никита Ильич.

От старенького священника Котенева досталась ряса. Он попросил благословения владыки на ее приобретение, хотя уже расплатился.

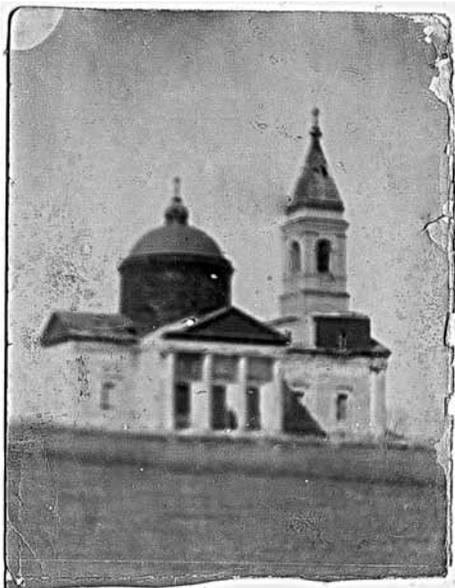
— Так Вы ее уже купили, — улыбнулся епископ...

Перед рукоположением отец Никита очень волновался.

— Владыка, а у меня белье уже не совсем чистое. Я два дня как из дому.

— Ничего, — успокоил его владыка Онуфрий, — лишь бы сердце было у Вас чистое.

Около года отец Никита служил в сане диакона в храме святителя Николая села Никольское¹⁰. Затем епископ Онуфрий рукоположил диакона Никиту Котенева в сан священника и определил настоятелем храма Казанской

Храм в селе Никольское. Фото Николая Богданова. 1958 г.

¹⁰ Ныне село Никольское входит в состав Горшеченского района Курской обл. Кирпичный храм святителя Николая пережил сталинские гонения и был взорван уже на излете гонений хрущевских в середине 1960-х годов. В настоящее время жители села Никольское являются прихожанами Покровского храма в селе Кунье.

иконы Божией Матери¹¹ села Верхнее Гурово¹².

В Никольском отец Никита жил один, а в Гурово за ним отправилось все семейство. Шли из Котеневки около двух дней. Большой частью пешком. К концу перехода младший из сыновей Федя признавался, что у него все устало, кроме глазок. Этим глазкам предстояло еще многое увидеть, в том числе и лагерную жизнь.

В Верхнем Гурове батюшка с матушкой и все дети ютились в сторожке при храме. Жили впроголодь. Не хватало муки даже на просфоры.

Люди ходить в храм уже побаивались. Ведь на их глазах арестовывали самых активных прихожан вместе с предыдущими священниками.

Отец Никита не роптал, служил Богу в почти пустом храме и готов был, если придется, повторить судьбу своих предшественников, отбывавших срок в ссылках и лагерях. Однако Господь судил ему отправиться на мученичество позднее и из другого села.

Агент НКВД приезжал к батюшке на исповедь

В 1932 году священномученик Онуфрий назначил иерея Никиту Котенева настоятелем храма святого Дмитрия Солунского¹³ в селе Дмитриевка¹⁴.

На новом месте Котеневы поначалу поселились в

¹¹ Храм Казанской иконы Божией Матери был построен в 1809 году, разрушен в советскую эпоху.

¹² Село Верхнее Гурово ныне входит в состав Советского района Курской области.

¹³ Каменный храм святого великомученика Дмитрия Солунского построен в 1886 году.

¹⁴ Ныне село Дмитриевка входит в состав Старооскольского района Белгородской области, а в ту пору оно относилось к Шаталовскому району Воронежской области.

тесной кладовочке под колокольной, а потом семью священника пригласила к себе на квартиру Агафья Владимировна Потапова. Ее дочь Валентина Афанасьевна Кутепова рассказывала, что батюшка Никита много молился: «Все уже спят, а он еще молитвы читает. Все только просыпаются, а он уже бодрствует — и опять молится».

В Дмитриевке отцу Никите пришлось поднимать авторитет духовенства, подорванный одним из предшественников батюшки. По сведениям краеведа Владимира Иванова, в конце 1920-х годов дмитриевский священник Евгений Митрофанович Мешковский вступил в комсомол и даже возглавил местную комсомольскую ячейку¹⁵. Принеся священный сан в жертву партийной карьере, Мешковский отрекся от Бога и стал активно пропагандировать атеизм по всему Шаталовскому району. Перед войной он работал в шаталовской школе помощником директора.

Отец Никита не имел возможности публично отвечать на все выпады антирелигиозной пропаганды. Для утверждения истинности православия он использовал иные формы. Невзирая на большое сердце и ноги, часто служил в храме. Никому не отказывал в требах. Ходил пешком в соседние села. Поэтому секретному агенту НКВД, который прибыл к священнику Никите Котеневу якобы на исповедь, застать его дома было не так-то просто.

Материалы для следственного дела батюшки и его сына псаломщика Феодора начали собирать задолго до их ареста. В этом неocenимую услугу репрессивным

¹⁵ Иванов В.И. Родные мотивы. Исторические очерки о Знаменке и других селах Старооскольского района. — ТНТ: Старый Оскол, 2004. — 320 с, ил. — 284.

органам оказали секретные осведомители. Бывший Шаталовский район был в ведении Воронежского Управления НКВД, славившегося налаженной агентурной сетью. Воронежские чекисты вели слежку через своих агентов в такой строжайшей секретности, что до сего дня большинство архивных следственных дел периода репрессий либо аккуратно подчищены, либо крепко-накрепко прошиты и в фрагментарном виде доступны для редких исследователей. К счастью, дела отца и сына Котеневых не прошли ведомственной цензуры и оказались в числе дел, переданных в архив другого региона. Из этих документов мы узнали, что 21 января 1936 года в Дмитриевку по заданию НКВД приезжал секретный агент, скрывавшийся под прозвищем «Прохожий». На ночлег он попросился к священнику. Батюшка принял его радушно, накормил, напоил, пригласил на богослужение. Нечаянный гость помолился вместе с хозяином, исповедался у него (!), отобедал и отбыл восвояси — писать агентурное донесение.

Юродивый Кузя, обмирающая Наталья и другие «дмитриевцы»

Сотрудники Шаталовского районного отделения НКВД «взяли в разработку» «дмитриевцев». Так они назвали группу лиц, связанных с настоятелем храма св. Димитрия Солунского в Дмитриевке — иереем Никитой Котеневым. Накопленные материалы пригодились советским силовикам во второй половине 1937 года, когда по всей стране шла ликвидация духовенства. 29 июля 1937 года отец Никита был арестован. К этому времени попал в жернова НКВД и агент «Прохожий». В его услугах безбожные власти уже не нуждались.

Вообще в 1936 году и начале 1937 года в нашем крае

наблюдалось заметное оживление церковной жизни. Возможно, это связано с обстоятельствами принятия новой Конституции. У простых беспартийных людей возникло ощущение, что в этой жизни от них тоже кое-что зависит. И многие вспомнили, что жизнь их зависит от Бога. По оценке старожил, в храмах в это время возросло число молящихся. В селе Архангельском¹⁶, к примеру, в 1936 году под Рождество исповедалось более сотни человек. Священник Павел Боев, настоятель этой церкви, радостно сообщал, что верующих среди селян становится больше. Процесс роста архангельского прихода был искусственным образом остановлен. Отца Павла арестовали незадолго до ареста отца Никиты¹⁷.

В самой Дмитриевке на Святках того же 1936 года едва хватило пятисот просфор. Дмитриевская церковь, по словам очевидцев, «была битком набита народом». На Крещение в храме побывал известный в окрестностях юродивый Кузя, который даже в лютый мороз не носил шапку и обувь. Всю крещенскую службу Кузя ходил по церкви, входил в алтарь, дул на народ. Через несколько месяцев так здесь хозяйничали безбожники, надувшие народ. В завершение своих действий Кузя сложил крестообразно две свечи и с соли, как архиерей, благословил молящихся, воскликнув: «Христос Воскресе!». И все в храме ему радостно ответили: «Воистину Воскресе!». В этом можно усмотреть пророчество о том, что после периода

¹⁶ Село Архангельское ныне входит в состав Стараоскольского района Белгородской обл.

¹⁷ По всей видимости, Павел Боев был последним священником храма в селе Архангельском перед его закрытием. В советское время здание церкви использовалось как склад. Ныне в храме вновь совершается богослужение. Он был заново освящен в октябре 2005 года.

богоотступничества церковная жизнь в селе возродится.

После праздничного богослужения отец Никита пригласил юродивого Кузю к себе домой на чай. Надо заметить, что батюшка одобрял не всякое подвижничество и с осторожностью относился к разного рода «откровениям».

Как-то из Шаталовки в дмитриевскую церковь пришла женщина, которая всюду с собой носила кирпичи. Всем она рассказывала, что кирпичи эти — тяжелые грехи, которые с нее никак не хочет снять Господь. Отец Никита просил «великую грешницу» оставить свой балласт, чтобы не вводить в соблазн других людей.

Широкую известность среди православных нашего края, проявляющих повышенный интерес к мистицизму, приобрела жительница Дмитриевки Наталья Рыжкова. Побеседовать с ней приезжали не только из ближайших сел, но и из более отдаленной местности: Нового Оскола, Валук. Наталья пересказывала всем сновидения, увиденные ею в состоянии некоего «обмирания». Некоторые ее рассказы ходили в народе в записанном виде. Известно, что Наталья надиктовывала свои сновидения певчей дмитриевского храма Нюрке (Анне Азаровой, по-уличному — Сухаревой). Рассказы эти носили эсхатологический характер. В них говорилось о пришествии антихриста, его печати, которую «будут ставить людям на ладонь, врываясь в дома даже в три часа ночи».

Когда речь заходила о сонных видениях «обмирающей» Натальи, отец Никита с трудом скрывал под усами и бородой улыбку. Своего сына Федора, имевшего хороший почерк, записывать Натальины вещания не благословил. Но никаких церковных прещений на Наталью и людей, общавшихся с ней, не накладывал. Все

они ходили в храм, регулярно исповедовались и причащались. И за многими, включая Наталью, пристально следило зоркое око НКВД.

Аресты и допросы

Волна арестов 1937 года подкатывала к дмитриевскому приходу постепенно. Сначала сотрудники Народного Комиссариата Внутренних Дел арестовали благочинного округа — священника Георгия Георгиевича Коршикова. Он служил в селе Городище. Затем священника Павла Боева из села Архангельское. 29 июля очередь дошла до священника из села Солдатское Василия Агаркова. В этот же день в Дмитриевке были арестованы Котеневы отец и сын.

Накануне ареста Господь укрепил веру пастыря, явив одно несомненное чудо. В ночь с 17 на 18 июля в храме без вмешательства человека зажглись лампы. Местные атеисты, узнав о чудесном явлении, тут же объявили его «поповским фокусом». Вскоре настало время, когда лампы в дмитриевской церкви зажигать было некому, но Господь не позволил свету веры в селе угаснуть окончательно.

Пелагея, младшая дочь священника Никиты Котенева, с ужасом вспоминала арест отца и брата. Она тогда была еще школьницей. Когда в доме начался обыск, Пелагея отошла в свой уголок. Там, рядом с ее учебниками и тетрадками, лежали папины служебное Евангелие и Псалтырь. Сотрудники НКВД все в доме перевернули вверх дном: все вытряхивали, всюду заглядывали. Несколько раз казалось, что доберутся они и до этих книг. Изъяли и впоследствии сожгли три укладки с церковной литературой. Но ни Евангелие, ни Псалтырь не попали в руки безбожников. Ныне книги

Книжка

★ ★★ ★

АРХИВ ХРАНИТЬ ВЕЧНО.

Управление Комитета Государственной Безопасности
при СМ СССР
по Белгородской области

В. В. Шоль
ГОД ПРОИЗВОДСТВА 19 37

УЧТЕНО В 1962г.

Следственное дело
№ 12403

ПО ОБВИНЕНИЮ *Котенева*
Никиты Николаевича
по ст. 58-10 УК РСФСР
ВМЧ

АРХ. № 332 ТОМ 1

Переплетено в 19__ г. Всего томов „ 1 “

★ ★★ ★

Белгород, облатвогпрофизм изд. В. И. Ленин, в. 347

Обложка следственного дела священника Никиты Котенева из архива УФСБ по Белгородской обл.

хранятся в семье внучки священника Александры Петровны Теряевой.

Сотрудники НКВД не стали затягивать следственный процесс по делу дмитриевских церковников. Тем более что все основные материалы для расправы были собраны еще до ареста.

Помимо приезжих помощников карательного ведомства в ликвидации «дмитриевцев» приняли участие и доморожденные секретные осведомители. К примеру, агент по кличке «Мирный» в начале года отправил в НКВД донесение с отчетом о разговоре с дмитриевским священником: «2 января 1937 года мною был приглашен поп Котенев для причастия больных детей. По дороге ко мне (ехали на лошади) он спросил: «Ну что, переписка у вас прошла?» Получив ответ, он спросил: «Куда больше пишутся: в безбожники или в православные?» На мой ответ, что больше пишутся в православные, он сказал: «Как большинство запишется в православные, так им, коммунистам, квит...» После этого поп рассказал мне антисоветский анекдот следующего содержания: «Один хохол говорил: «Когда был царь Николай, у меня было 8 пар волов, 10 коней, 15 коров и он никогда у меня их не считал. А при советской власти есть одна коза и ту пишут на неделе три раза — цела ли эта коза».

3 мая 1937 года этот же осведомитель лжесвидетельствовал и против сына священника: «Под религиозный праздник «Пасхи» в колхозном клубе села Дмитриевка был антирелигиозный вечер. Выйдя из клуба, я встретил группу молодежи и сына попа — Котенева Федора Никитовича. Он, обратившись ко мне, сказал: «Ты не слушай безбожников, ведь это наймиты. Они получают деньги за этот разврат народа». Я ответил: «Они

просвещают, попы затемняют и за это также дерут с верующих». Котенев ответил: «Попы берут копейки, а коммунисты дерут с народа сотни, а когда драть нечего, самих ссылают в Соловки, да в тюрьмах гноят».

20 июня 1937 года агент по кличке «Шарова» сообщила: «Сын попа с Дмитриевка Котенев Федор Никитович в присутствии группы граждан выступил в защиту банды Тухачевского и других, высказывая сомнения, что их расстреляли. Им было сказано: «Газетным сообщениям не нужно верить, что Тухачевского и других расстреляли. Таких великих людей власть побоится стрелять, потому что они были за народ, а народа большинство. И в случае их расстрела народ может восстать против этой власти и коммунистов»...

Эти же осведомители проходят по делу под своими настоящими фамилиями, но уже в качестве свидетелей.

Свидетели передавали и ту негативную оценку, которую давал Ф. Н. Котенев советским газетам и правительству: «... Да хоть бы совсем не приходили — все равно правды в них не найдешь. Все пишут об одном — хвалят Сталина и коммунистов. А то, что народ с голоду гибнет, об этом молчат, потому что сами коммунисты и Сталин разорили Россию...».

Первый раз арестованные были допрошены 30 июля (на следующий день после ареста) начальником Шаталовского районного отделения НКВД младшим лейтенантом госбезопасности Гетманцевым. Он не стал утруждать себя долгим разбирательством, ограничившись двумя стандартными вопросами «по существу».

— Вам предъявлено обвинение по ст. 58 п. 10 ч. II УК РСФСР, заключающееся в том, что вы систематически проводили среди населения активную контрреволюци-

онную антисоветскую агитацию, используя религиозные предрассудки масс, как служитель религиозного культа. Виновным себя в этом не признаете?

— Виновным себя в предъявленном мне обвинении я не признаю, — ответил отец Никита.

— Что вы можете добавить к своим показаниям по существу предъявленного вам обвинения?

— Добавить к своим показаниям что-либо по существу предъявленного мне обвинения я ничего не имею.

Федора Котенева, так же отказавшегося признать себя виновным, Гетманцев попросил доказать свою невиновность.

— Могу доказать тем, что я никогда и нигде агитацию не проводил и на советскую власть не клеветал. Больше по делу показать ничего не могу.

Письмо к владыке

Второй раз священника Никиту Котенева начальник Штаталовского РО НКВД вызвал 9 августа.

— Следствие располагает данными, что во время всесоюзной переписи вы среди населения проводили против этого правительственного мероприятия активную контрреволюционную агитацию. Признаете вы это?

— Нет, этого я не признаю.

— Вы лжете. В том, что вы проводили активную контрреволюционную агитацию против такого мероприятия Советского правительства, вас уличает документ — ваше письмо владыке, которое вам предъявляется для прочтения. Этот документ обнаружен у вас при обыске. Теперь вы это признаете?

Собственно, во время обыска у отца Никиты было обнаружено не само письмо, а его черновик — сложенный

вчетверо тетрадный лист. Помимо наброска письма, на нем умещался фрагмент рассказа о том, как св. князь Владимир выбирал веру. Отец Никита не называл своего адресата по имени, но можно догадаться, что обращался он к епископу Митрофану (Русинову)¹⁸, управлявшему Старооскольской епархией с 1933 по 1937 год. Неизвестно, дошло ли само письмо к владыке и последовал ли письменный ответ.

Священник Никита Котенев просил у епископа совета, как поступить во время всеобщей переписи, которая достигла пределов Дмитриевки 6 января 1937 года. «Будут спрашивать, кто верующий и кто неверующий, — писал отец Никита. — Но конечно, безусловно, я верующий /со/ своим семейством. А если будут просить роспись, что делать: расписаться или нет? Что Ваше /Преосвященство/ мне благословит? Я, конечно, за веру готов умереть. Но если они не обманут... Вы сами знаете, что они все делают на обмане. Поэтому я боюсь, чтобы не попасть навеки к врагу. Я обращаюсь к Вам за благословением. Конечно, Вы наиболее сведущи по данному делу. Я думаю, что Господь откроет Вам это, чтобы нас вразумить, грешных...»

Этим письмом священник, можно сказать, выписал себе «приглашение на казнь». А тем, что на допросе признал подлинность документа — сделал уверенный шаг к расстрельной стене.

Вызывает интерес один факт. В машинописной копии письма отца Никиты, сделанной сотрудниками

¹⁸ Епископ Митрофан (Русинов Евлампий Владимирович) был расстрелян 23 июня 1938 года. Предполагаемое место расстрела — местечко Копылы в окрестностях Полтавы. Источник: Архив Управления Службы Безопасности Украины. Архивно-уголовное дело №16769.

Шаталовского РОНКВД, подчеркнуты наиболее существенные, по мнению следствия, фразы. Следователя возмутило не то, что священник обвинил советское правительство в тотальном обмане, а то, что он исповедал свою веру и назвал верующим свое семейство.

Вторая половина последнего допроса иерея Никиты Котенева представляет собой попытку раздуть дело в коллективное. Но этого сделать не удалось. Отец Никита не отрицал, что имел связи со священниками соседних сел. (По именам он назвал лишь умерших или арестованных священников). Однако допрашиваемый настаивал на том, что связи эти не носили контрреволюционный характер, а «были созданы на религиозной почве».

— Вам предъявлено обвинение по ст. 58 п. 10 ч. II УК РСФСР. Виновным себя признаете или нет. /Характерной особенностью протокола является отсутствие в конце вопросительных предложений знака вопроса/.

— В предъявленном мне обвинении виновным себя признаю. Записано с моих слов правильно и мне прочитано, в чем и расписываюсь.

В ходе следствия иерей Никита Котенев разобрался в тонкостях советского законодательства. Вера в Бога воспринималась теми блюстителями закона, с которыми он столкнулся, как контрреволюционность. А дела веры — как контрреволюционная деятельность. Следовательно, перед таким законом священник счел возможным признать свою вину, чтобы иметь надежду на оправдание перед Законом Божиим.

«Спасется лишь тот, кто останется верующим до конца»

Сотрудники НКВД умело дополнили виновность обреченного на смертную казнь арестанта нужными свидетельскими показаниями.

Привлеченный в качестве свидетеля колхозник Павел Петрович К. из колхоза имени Молотова дал следующие показания: «В первых числах января 1937 г. по просьбе жены соседа я привез Котенева на отправление обряда по умершему у нее ребенку. По дороге Котенев вступил в разговор со мной. Особенно он интересовался проходившей Всесоюзной переписью. О том правительственном мероприятии он отзывался в контрреволюционных выражениях. Говорил так: «Скоро конец миру. Коммунисты учитывают людей на верующих и неверующих, затем откроют военную бойню. Верующих будут мучить. Спасется лишь только тот, кто не поддастся страху и останется верующим до конца...».

Другой свидетель из того же колхоза рассказал, как в мае 1937 года отец Никита соборовал его брата перед смертью, подчеркнув, что это таинство совершалось по просьбе жены умирающего. «Учинив религиозный обряд, — продолжал свидетель, — в моем присутствии Котенев жаловался, что люди стали забывать Бога. Он говорил: «Нужно всем соблюдать религию — исповедоваться, приобщаться. А что говорят коммунисты да активисты — вы им не верьте, потому что эти люди давно потеряли облик человека... Они и есть враги народа». Священник Котенев, зная, что я вообще не хожу в церковь, своим выступлением старался убедить меня «погибшего человека», как он тогда выразился, как. Вступать с Котеневым в пререкания по этому вопросу я считал излишним — сообщил об этом случае местной власти». Маленькая подробность. Свидетель этот был неграмотным и верность своих слов подтвердил неписанием крестика внизу протокола допроса, а приложением оттиска большого пальца правой руки.

Дал показания против батюшки и школьник Вася Г. Он, не без бравады, рассказал следователю, как гордо отказался целовать крест, протянутый ему «попом Котеневым» после молебна. И в вольном пересказе передал реакцию отца Никиты на свой отказ: «Вас советская власть в своей школе добрым делам не учит — забили коммунисты голову социализмом, а вы, как попугаи, повторяете все, что вам прикажут... Не Сталина надо почитать, а Бога».

У Федора Котенева вторая и последняя запротоколированная беседа со следователем состоялась 12 августа. Вел ее уже новый начальник Шталовского РО НКВД младший лейтенант Пучков. (А куда, интересно,

Фото храма в селе Шталовка из архива Сергея Михайловича Сотникова

подевался Гетманцев? Пошел на повышение? Или сам угодил в репрессивную мясорубку?).

Новый допрос начался со старого, но развернутого обвинения.

— Следствием установлено, что вы в апреле 1937 года возле клуба в с. Дмитриевка в группе граждан проводили антисоветскую агитацию по вопросу мероприятий советской власти на селе, в частности, против карательной политики и антирелигиозной пропаганды. Виновным в этом вы себя признаете?

— Виновным в этом я себя не признаю.

— Вы лжете следствию. Кроме этого, установлено, что вы в июле месяце 1937 года возле лавки сельпо в с. Дмитриевка взводили клевету на советскую власть. В частности, по делу расстрела банды Тухачевского и других. В этом виновным себя признаете?

— Я действительно присутствовал при чтении газеты между сельсоветом и лавкой сельпо. Но я ничего о них не говорил и виновным в этом себя не признаю.

— Вы совершенно напрасно уклоняетесь от правдивых показаний на поставленные вам вопросы. Еще раз требую вашего признания в том, что вы проводили активную контрреволюционную антисоветскую агитацию на селе.

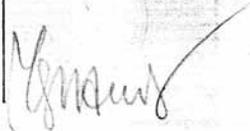
— Еще раз показываю, что контрреволюционную антисоветскую агитацию среди населения я не проводил.

— Вам предъявлено обвинение по ст. 58 п. 10 ч. 1 УК. Виновным вы себя в этом признаете?

— Нет. Виновным себя в этом я не признаю и к своим показаниям больше дополнить ничего не имею.

Заседание Тройки Управления НКВД по Воронежской области, на котором решалась судьба священника Никиты и псаломщика Федора Котеневых, состоялось 17 сентября 1937 года. Обвинили отца Никиту в том, что он

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА
 заседания тройки Управления НКВД по Воронежской области
 17 - сентября 1937 г.

С Л У Ш А Л И:	П О С Т А Н О В И Л И:
<p>Дело Шателовского Райотделения НКВД №-12390 по обвинению КОТЕНЕВА Федора Никитовича 1919 г.р., урож. д.р. Котенева, Степно-озольского р-на, Курской области, проживавшего в селе Дмитриевке, Шателовского р-на, Воронежской области, крестьянина.</p> <p>Обвиняется в том, что среди населения систематически вел агитацию против мероприятий Советской власти, распространял клевету на руководителей ВКП(б) и Советского правительства.</p> <p>Содержится в тюрьме гор. Воронежа.</p>	<p>КОТЕНЕВА Федора Никитовича</p> <p>заключить в исправтрудлагерь сроком на ВОСЕМЬ лет, считая срок с 29 июля 1937 года.</p> <p>Дело сдать в архив.</p> <div style="text-align: right; margin-top: 20px;"> </div>
<p>№ 792. 837 г.</p> <p>Секретарь тройки</p>	

Из следственного дела Федора Никитовича Котенева

«систематически вел среди населения контрреволюционную агитацию. Распространял провокационные слухи о войне и скорой гибели Советской власти. Клеветал на руководителей ВКП (б) и Советское правительство. Высказывал пораженческие настроения о скором уничтожении Советской власти и ее руководителей». За таким пространством обвинением последовало лаконичное постановление: «Котенева Никиту Ильича РАССТРЕЛЯТЬ. Дело сдать в архив». В это время священник содержался под стражей в Воронежской тюрьме. В Воронеже и было приведено в исполнение постановление Тройки. 25 сентября в 24 часа иерея Никиту Котенева расстреляли.

В отношении девятнадцатилетнего Федора члены Тройки вынесли иной вердикт: «заключить в исправтрудлагерь сроком на ВОСЕМЬ лет, считая срок с 29 июля 1937 года».

Матушкины мытарства

После ареста мужа и сына матушка Матрона Котенева регулярно собирала в тюрьму передачи: вещи, продукты. Все это у нее охотно брали и после того, как отец Никита был расстрелян, а Федор этапирован из Воронежа в лагерь. Позднее Матроне Яковлевне сообщили, что супруг осужден на большой срок без права переписки. Где он этот срок отбывает, родным знать не положено. А Федору удалось все-таки с дороги отправить в Дмитриевку весточку — дать знать, что получил он восемь лет. В пути юношу обобрали уголовники. Отобрали одежду. Взамен оставили лохмотья. Но Федор и тому был рад, что жив остался.

В Дмитриевке местные власти объявили настоящую травлю членам семьи арестованного священника и тем, кто никак не хотел «порвать с религией». Председатель колхоза, завладев ключами от храма, устроил в нем настоящее беснование: разбивал иконы, жег книги и топтал ногами Святые Дары... Итог жизни этого человека был печаль-

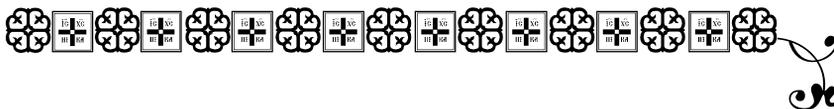
*Матушка Матрона Котенева.
Фото из семейного альбома
Евдокии Никитичны Леденевой*

ным. Он стал жертвой несчастного случая и перед смертью изрядно помучился. Но еще большую тревогу вызывает его посмертная участь. По доносу дмитриевских безбожников в сентябре 1937 года был арестован и местный сектант-евангелист Максим Афанасьевич Малахов, раскулаченный и вступивший в колхоз, но не оставивший своих религиозных убеждений. Его расстреляли 9 октября¹⁹.

Известно, что один из секретных осведомителей делал попытку подтолкнуть отца Никиту к сбору материалов, компрометирующих сектантов. Разумеется, информация такого рода значительно облегчила бы работу НКВД. Однако священник Никита Котенев не поддался соблазну одержать победу над сектантами в своем приходе с помощью силовых органов.

Матушка Матрона, затравленная местными властями в Дмитриевке, перебралась поближе к родным — в Котеневку. Здесь было немногим легче. Жить пришлось в землянке. Всю оставшуюся жизнь Матрона Яковлевна поминала отца Никиту о здравии. Надеялась. Так и умерла в 1968 году, не зная доподлинно: жив ее муж или нет.

¹⁹ Архив УФСБ по Белгородской области. Дело №924.

Часть вторая: «Дети, не забывайте Бога, и Господь не оставит вас свою благодатью...»

Дети иерея Никиты видели его глубокую веру и самоотверженное служение. Они унаследовали отцовскую преданность Богу и Церкви.

Иоанн

Ивану, старшему сыну священника Никиты Котенева, Господь отмерил недолгую земную жизнь — неполных 23 года. Когда его болезнь (туберкулез кости) окончательно проявилась, отец Никита привез сына к священномученику Онуфрию в Старый Оскол. Ваня не мог наступить на ноги. Поначалу боль ощущалась в колене, а затем распространилась по всему телу. Из повозки в дом к епископу юношу пришлось нести на руках.

Архиерей пригласил гостей из Дмитриевки за стол попить чаю. Отец Никита поинтересовался, какую меру поста лучше выбрать для больного. Владыка ответил народной мудростью: «Хлеб да вода никому не сделали вреда».

Священника мучил вопрос: одолеет ли молодой организм Вани этот недуг или болезнь сведет его в могилу?

«Вы хотите, чтобы Ваш сын был с Богом и с Вами?» — спросил владыка Онуфрий. Священник утвердительно кивнул головой. «А Вы уверены, что будет лучше, если он выздоровеет?». Отец Никита задумался.

Епископ утешил родителя тем, что еще некоторое время сын будет ему помогать, но все-таки дал понять, что Господь призовет к Себе юношу раньше, чем родителей.

*Иван Никитович Котенев.
Фото из семейного альбома
Евдокии Никитичны Леденевой*

После чаепития у архиерея Ваня почувствовал себя значительно лучше. Сам встал из-за стола и без посторонней помощи дошел до повозки.

Беседа с владыкой воодушевила его. Иван еще активнее включился в церковную жизнь. Пел и читал на клиросе.

Спустя несколько лет на смертном одре он выражал сожаление лишь об одном: «Эх, только-только хор хороший в храме собрался...» За несколько часов

до смерти Ваню соборовали. Он сам читал некоторые молитвы. Потом восхищался: «Как хорошо поют!». «Кто поет?», — не понимали родные. В доме стояла тишина. Думали, больной бредит. Но он безошибочно называл каждого, кто подходил к его кровати. Затем попросил погасить в доме свет. Сказал, что при свете плохо видно.

«Кого, Ваня?»

Он помолчал и ответил: «Не велено говорить»... До самого последнего момента в памяти был.

Умер Иван 12 января 1934 года. Отпевать его через два дня пришли певчие с трех приходов.

Уже вступала в силу советская традиция хоронить священников и церковнослужителей на общем кладбище, подальше от храма. Но тут воспротивился председатель сельского совета, не дал копать яму на сельском погосте, и Ивана похоронили в церковной ограде. Его могилка и ныне цела. Здесь нынешний настоятель Дмитриевского храма иерей Андрей Капшук служит панихиды о упокоении раба Божьего Иоанна.

Феодор

После смерти Ивана отец Никита в течение сорока дней ежедневно совершал в храме богослужения. Ему во всем помогал другой сын — Федор, которому суждено было пройти путь исповедника.

Свой девятнадцатый день рождения 5 августа 1937 года Федор Никитович Котенев встретил в Воронежской тюрьме. Арестовали его вместе с отцом в конце июля. Но о судьбе друг друга они ничего не знали. В Воронеже всех арестованных рассортировали по возрасту. Тех, кто помоложе и покрепче, приговорили к боль-

*Федор Никитович Котенев.
Фото из семейного альбома
Евдокии Никитичны Леденовой*

пому сроку лагерных работ. Тех, кто уже в работники не годился, занесли в расстрельные списки.

Восемь лет, на которые осудили Федора Котенева члены Воронежской Тройки, на самом деле обернулись десятью годами. Из них первые семь Федор отбывал на шахтах (ртутных и угольных). Последние три года трудился на лесоповале. Организовал из заключенных самодеятельный хор. Ездил с выступлениями по другим лагерям. Везде надеялся встретить папу, не зная, что того расстреляли в Воронеже еще в сентябре 1937 года...

В конце заключения Федор Котенев опоздал на последнюю в текущей навигации баржу, которая отходила на большую землю с освободившимися. Удлинил себе срок, но, благодаря этому, уцелел. Баржу затопили вместе с пассажирами.

Вернулся Федор Никитович в Котеневку, переночевал у матери с сестрой и пошел в ближайшую открытую церковь — храм Архангела Михаила в селе Теплый Колодезь. Здесь и прослужил он псаломщиком с 1947 года по 1983 год, оставив о себе добрую память.

Пелагия

Пелагея, самая младшая дочь иерея Никиты Котенева, как-то спросила отца, только что прочитавшего послеобеденную молитву: «Папа, а что это ты делал?». «Благодарил Бога за то, что Он нас насытил», — ответил отец Никита. «А я еще не сытая, я не наелась. Значит, я не могу так молиться, а то получится, что я Бога обманывать буду...»

Впоследствии Пелагея Никитична стала одной из тех многочисленных женщин в белых платочках, которые в годы беспросветного атеизма бережно хранили православную традицию. Это они не давали церковную жизнь

*Псалтырь, принадлежавшая священнику
Никите Котеневу, которую не заметили
сотрудники НКВД во время ареста батюшки*

окончательно списать в пережитки прошлого, живя жизнью Церкви в настоящем.

Когда в 1994 году Пелагея Никитична, причастившись Святых Христовых Тайн, отошла ко Господу, стало известно, что она на свои скудные средства пошила несколько облачений для престолов в разные храмы. При жизни она об этом просила никому не рассказывать.

Евдокия

Из всех детей священника Никиты Котенева лишь одна Евдокия перешагнула порог XXI века. Во время ареста папы и брата ее не было в Дмитриевке. Восемь женихов засылали к Евдокии сватов. Первым местный бухгалтер

*Евдокия Никитична Леденева.
Фото 2009 года.*

Порой посылали ее родители в город Старый Оскол за продуктами. А туда путь лежал через лесок. И в лесу этом часто лихие люди обирали прохожих до нитки. Поэтому селяне собирались в группы, чтобы было не так страшно. Да и вместе в случае нападения отбиться легче. Евдокии все больше приходилось ходить одной через этот лес. Боязно, конечно, молодой девушке было. Но отправлялась она всегда с отцовским благословением и молитвой. И Бог миловал.

Провожая дочь в Старый Оскол, отец Никита напутствовал ее: «Смотри в Покровский храм не заходи. Там — обновленцы. Только на святой крест и иконы перекрестись и все... А это тебе денежки для нищих»...

сватался, последним — полковник советской армии из Москвы. Обещал, невзирая на свое положение, повенчаться и никогда не препятствовать супруге ходить в церковь. Но отец Никита был непреклонен, всем велел отвечать отказом, а весной 1937 года благословил ее спешно вербоваться на север (набирали рабочих для строительства железной дороги). Дочь не посмела перечить отцу.

Когда требовалось, Евдокия была Марфой, когда нужно — Марией.

И горели эти пяточки в руке у Евдокии. И даже мысли в голову не приходило себе на них что-нибудь купить.

Долго учиться Евдокии не довелось. Едва она пошла в школу, как дома потребовалась нянька для младшей сестры. Но необразованной ее назвать нельзя. Свое образование Евдокия Никитична получила в храме. Однажды Великим Постом пела она напротив Царских врат одно из самых трогательных песнопений — «Разбойника...». Отец Никита слушал и плакал: «Дочь, как ты хорошо поешь! Какая тебя ждет судьба?».

Впереди у Евдокии Никитичны были тяжелые работы на севере (но все-таки там она была вольнонаемной), замужество и скорая потеря мужа, воспитание сына и его трагическая гибель. Теперь это все уже позади.

Взирая на свою долгую жизнь с высоты девяноста пяти прожитых лет, Евдокия Никитична удивляется: «Это ж сколько грехов за жизнь?! Если в год по одному только, то уже 95. А их в один день бывает больше».

Конечно, годы и здоровье не дают Евдокии Никитичне жить в прежнем церковном ритме. Но она находит силы хоть изредка выбираться в храм. Чаще в Долгую Поляну ездит. Прикладывается там к большому образу священномученика Онуфрия. «Раньше я ручку владыке целовала, а теперь только до ножки достаю», — вздыхает.

— Дочка, вставай Богушке молиться, — звучат эти слова в памяти Евдокии Никитичны. И видит она, как живого, своего папу, читающего покаянный канон.

— А я на коленочках, на лавке. Ведь холодно на земляном полу, — вспоминает дочь священника. — Мы Бога любили, отца слушались. «Дочка, без молитвы порог не переступай», — говорил он мне. А еще я на всю жизнь запомнила такие его слова: «Дети, не забывайте Бога, и Господь никогда вас не оставит своею благодатью».

Приложение 1

Долгий срок — как медленный расстрел Жизнеописание священника Василия Агаркова (1890–1938)

Десять лет заключения в исправительно-трудовом лагере — такой популярный в 1937 году срок получил священник из села Солдатское¹ Василий Агарков. Но не смог батюшка выдержать и десяти месяцев лагерной жизни. Прибыл он в Томасинлаг 5 ноября 1937 года, а 4 апреля 1938 года умер. Согласно акту, составленному на следующий день медиками лагеря, смерть заключенного Агаркова последовала от «упадка сердечной деятельности»². И лишь один Господь знает, чем был спровоцирован этот «упадок»...

Василий Григорьевич Агарков родился 20 января 1890 года в семье крестьян хутора Агарково Касторенского района Курской области. Получив начальное образование в сельской школе, он до революции, вероятно, и не помышлял о принятии сана. Был прилежным прихожанином, жил полнокровной церковной жизнью. Но стихийные и организованные властями гонения на Церковь, породившие эмиграцию, богоотступничество и физическое истребление духовенства, способствовали дефициту священнослужителей. Стать священником в то страшное время означало объявить себя мишенью. И не только для

¹ Село Солдатское в 1930-е годы входило в состав Шаталовского района Воронежской области. Ныне — в составе Старооскольского района Белгородской области.

² Информационный центр УВД по Томской обл. Фонд 25. Опись 2. Арх. №14.

критики...

Василий Агарков стал священником, за что и был обложен дополнительным налогом. В 1930 году Касторенский народный суд за несдачу хлебозаготовки приговорил его к году лишения свободы и пяти годам ссылки. Отец Василий отбыл наказание, в 1935 году вернулся в родные края и снова выразил желание служить Богу. Назначен он был в село Солдатское Шаталовского района Воронежской области³.

Едва ли два года служения в Солдатском можно назвать спокойным периодом жизни иерея Василия Агаркова. Однако возможность совершать богослужения у него была. А что еще нужно священнику?

Пасха 1937-го года была последней Пасхой, которую встретил отец Василий в своей земной жизни. Летом в Шаталовском районе, впрочем, как и повсюду в СССР, начались повальные аресты священнослужителей. В центре был принят секретный приказ, намечающий масштаб предстоящих репрессий. На местах этот приказ корректировался директивами местных Управлений НКВД. По приказу, утвержденному Политбюро ВКП(б), в течение четырех месяцев нужно было в одной только Курской области найти и репрессировать 4 000 врагов народа. Тысячу — расстрелять (первая категория), а остальных отправить в ГУЛАГ на длительный срок (вторая категория)⁴. У воронежцев план был еще больше — 4 500 человек (1 000 — на расстрел и 3 500 — в заключение). Священник Василий Агарков был наме-

³ Вероятно, в Солдатское отец Василий был назначен после смерти служившего там ранее священника Москалева, бывшего благочинным Шаталовского церковного округа.

⁴ Ошеров А. Над пропастью во лжи. Из досье курской «Лубянки». — Курск: ГУИПП «Курск», 1998. — 304 с., — с.285.

чен к репрессиям по второй категории. При его аресте шаталовские чекисты руководствовались директивой УНКВД по Воронежской области №2453⁵.

За солдатским батюшкой пришли 29 июля 1937 года. Но в поле зрения НКВД он попал гораздо раньше. О чем свидетельствуют фрагменты следующих документов из следственного дела священника⁶.

Выписка из агентурного донесения осведомителя «Вильгельм» от 25 апреля 1937г.:

«Священник села Солдатское Агарков Василий Григорьевич среди населения проводит к/р деятельность против проводимых Советской властью мероприятий на селе...».

Выписка из агентурного донесения осведомителя «Крестком» от 17 июля 1937г.:

«Числа 10 июля сего года священник с. Солдатское Агарков возле церковной сторожки с гражданами с. Солдатское высказывал провокационный взгляд в связи с расстрелом банды Тухачевского, он заявил, что расстрелянным многие сочувствовали, поэтому это событие не пройдет бесследно, оно вызовет выступление против советской власти и беспорядки внутри страны, которые неизбежно кончатся свержением Сов. власти».

Согласился дать показания против священника и один из бывших работников храма, вскоре после ареста настоятеля ставший членом колхоза «Путь вперед».

⁵ Глебов В. Тайны Воронежского Управления НКВД (по следам раскопок под Дубровкой). — Воронеж: издательство им. Е. А. Болховитинова, 2009. — 263 с., — с. 56.

⁶ Архив УФСБ РФ по Белгородской области. Дело №369.

С.С.С.Р

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Управление по Воронежской области

Протокол допроса

К ДЕЛУ № _____

193 2 г. _____ мес. _____ дня Я, Н.к Шаталовского Р.Н.К.В.С.С.Р.

Аким Чб Ст.назарев допросил в качестве С.С.С.С.Р.ского

1. Фамилия Агарков
2. Имя и отчество Василий Рошировский
3. Дата рождения 1890 года
4. Место рождения с. Свдэйское, Верхненского уезда, Воронежской губ. Курск. обл.
5. Местожительство с. Свдэйское, там же, Шаталовского р-на, Воронежск. обл.
6. Национальность и гражданство (подданство) Русский
гр. права С.С.С.Р.
7. Паспорт № 1111111
(когда и каким органом выдан, номер, категория и место принятии)

8. Род занятий Служитель религиозно культ. (священник)
(место службы и должность)
с. Свдэйское, там же, Шаталовского р-на, Воронеж. обл.

9. Социальное происхождение Из крестьян, родители кр. и
(род занятий родителей и их имущественное положение)
домовладельц сельский Верхненский

10. Социальное положение (род занятий и имущественное положение)

а) до революции Крестьянин

б) после революции Служитель религиозно культ.

11. Состав семьи Жена Мария Павловна 1899 год. Дети Анна
(близкие родственники, их имена, фамилии, адреса и год завети)
Васильевна 1923 года - итф. с. Свдэйское, Шаталовского р-на, Воронеж. обл.

Александр Васильевич Григорьев

Из следственного дела священника Василия Агаркова

— До ареста Агаркова я по найму работал церковным сторожем и в силу этого он в своей работе мне доверял и допускал при мне со своей стороны разговоры антисоветского содержания. Например, в первых числах мая 1937 года я находился в церковной караулке — отдыхал. Туда же зашел священник Агарков Василий Григорьевич, который завел со мною разговор о Пасхе, а затем перевел на тему о первомайском празднике. Он, Агарков, по этому вопросу говорил: «Видал, Иван, как вчера антихристы праздновали — больше всего за Сталина ораторствовали. Вот так и знай, что красные флаги — это кровь народа, которую из него пьют коммунисты. Но терпеть осталось немного, в Писании сказано, что придет царь Михаил и свергнет власть дракона, а сталинская власть — это самое и есть драконовская власть...». В это время к нему подошли какие-то старухи и он вышел к ним, прекратив со мной разговор.

— Расскажите, какие связи имел Агарков в с. Солдатском, — поинтересовался у бывшего церковного сторожа следователь.

— Особую активность в приглашении священника проявляли ктитор Тулин Борис Иванович — злостный единоличник, в прошлом зажиточный, и член церковного совета — Томилин Федор Парфенович — раскулаченный. С ними Агарков держал тесную связь.

Еще один свидетель характеризовал отца Василия так: «Он очень разговорчивый человек и с верующими при каждом удобном случае вступал в разговор — интересовался, кто как живет, у кого какое настроение по отношению к Советской власти. Причем в подобных разговорах он старался внушить недоверие к Советской власти путем высказывания своих враждебных взглядов на ее мероприятия».

Не преминул этот «свидетель» обвинить священника в рассказе антисоветского анекдота, но любопытство следователя не удовлетворил — анекдот пересказать не смог. Сослался на то, что ушел от Агаркова, не дослушав анекдота. Спрашивается, а был ли вообще анекдот?

Самого батюшку вызывали на допросы дважды. В первый раз задали два вопроса, во второй — четыре. Вопросы были зачастую пространнее ответов.

— Признаете ли вы себя виновным в предъявляемом вам обвинении по ст. 58 п. 10 ч. 2 УК РСФСР в том, что вы систематически проводили контрреволюционную антисоветскую агитацию на селе против советской власти и проводимых ею мероприятий, при этом используя религиозные предрассудки масс.

— Виновным себя в этом я не признаю.

— Чем вы можете дополнить свое показание по существу предъявленного вам обвинения.

— По существу предъявленного мне обвинения свое показание дополнить ничем не имею.

Вот и весь протокол допроса, состоявшегося 30 июля, то есть на следующий день после ареста.

А в какой день проводился второй, дополнительный допрос, неизвестно, так как в протоколе указан лишь год и месяц. Вероятно, в разгар большого террора сотрудники НКВД потеряли счет дням. Следователь был более конкретен и резок, «обличая» собеседника во лжи и требуя признания.

— Следствием установлено, что вы 17-го апреля 1937 года возле лавки сельпо Солдатского сельсовета вели контрреволюционную антисоветскую агитацию по вопросу Всесоюзной переписи. Признаете себя в этом виновным?

— Возле лавки сельпо я действительно бывал, но что касается данного числа месяца, я припомнить не могу. С

кем я вел разговор так же не упомяну и виновным себя в этом я не признаю.

— Вы лжете. Следствием, кроме этого, установлено, что вы в июле 1937 года возле караулки у церкви, т.е. рядом с церковью в с. Солдатском в группе прихожан взводили клевету на советскую власть, по части расстрела банды Тухачевского и других. В этом виновным себя признаете?

— Не могу упомянуть даты, но имели место разговоры с гражданами возле караулки рядом с церковью. Этот разговор /касался/ только служебного положения, что же касается банды... Такого случая не было и виновным в этом я себя не признаю.

— Вы совершенно напрасно уклоняетесь от правдивых показаний на поставленные вам вопросы. Еще раз требую вашего признания в том, что вы проводили активную контрреволюционную антисоветскую агитацию на селе.

— Еще раз показываю, что контрреволюционную агитацию среди населения я не проводил.

— Вам предъявлено обвинение по ст. 58 п. 10 ч. 2 УК РСФСР. Виновным себя в этом признаете?

— Нет, виновным себя в этом не признаю, и к своим показаниям дополнить ничего не имею. Протокол записан с моих слов верно, мне прочитан.

14 августа начальник Шаталовского РОНКВД завершил следствие по делу отца Василия, составил обвинительное заключение и направил собранные документы на рассмотрение Тройки УНКВД по Воронежской области.

Загруженная работой Тройка только через месяц взялась вершить судьбу священника из Солдатского. 17 сентября члены всеильной Тройки постановили:

«Агаркова Василия Григорьевича заключить в исправтрудлагерь сроком на ДЕСЯТЬ лет». В этот же самый день те же самые люди отправили на расстрел священника Никиту Котенева из села Дмитриевки, а его девятнадцатилетнего сына псаломщика Федора упекли в лагеря на восемь лет.

Отец Василий Агарков был определен в Томскую область. Пережив утомительный (более месяца) переезд, а затем тяжелую зиму в лагере, священник умер в середине весны 1938 года, не отбыв и десятой доли своего срока.

Через полвека, 27 апреля 1989 года, иерей Василий был полностью реабилитирован прокуратурой Белгородской области.

Приложение 2

Диспут о вере в стенах сельсовета Жизнеописание священника Георгия Коршикова (1880–1942)

4 июня 1937 года сотрудниками Шаталовского РО НКВД был арестован священник Георгий Коршиков, служивший в селе Городище¹ с 1932 года. 8 июня ему было объявлено об окончании следствия. По отработанной схеме были собраны и подшиты к спешно заведенному делу нужные для подтверждения вины свидетельские показания. Обвиняли отца Георгия, как нетрудно догадаться, по 58 статье УК.

В справке на «подлежащего аресту гр-на Коршикова» указывалось, что он, «личность антисоветски настроенная», «используя чувства верующих, при исполнении религиозных треб ведет антисоветскую агитацию». Эту стандартную формулировку вымышленной вины можно прочесть во многих делах священнослужителей, осужденных в период репрессий.

Священник Георгий Георгиевич Коршиков родился 6 января 1880 года в селе Большие Бутырки Курской губернии² в крестьянской семье. Учился в двухклассном земском училище. Женился. До революции в хозяйстве Коршикова было две лошади, корова, десять овец и восемь десятин земли. Со всем этим он управлялся вместе со своей женой Марией, параллельно воспитывая пя-

¹ Село Городище входит в состав Старооскольского района Курской области.

² Ныне это село входит в состав Мантуровского района Курской области.

терых детей. По советской классификации Коршиков считался середняком. Когда Георгий Георгиевич принял сан, к нему намертво прилепили другой ярлык: «кулак-поп».

Первый раз отец Георгий был арестован органами ВЧК в 1919 году в родном селе. Какое ему было предъявлено обвинение и какую меру наказания ему избрали,

Памятный крест на месте разрушенного храма в селе Бутырки Мантуровского района Курской области. Фото 2010 года

неизвестно, так как это дело пока не попало в поле зрения исследователей.

В 1929 году священник Георгий Коршиков был судим Нарсудом Солнцевского района и приговорен к году лишения свободы. В 1932 году его арестовали сотрудники Велико-Михайловского РО ОГПУ по обвинению в антисоветской агитации. Так что было бы странным, если бы священнослужитель с таким

«послужным списком» прожил весь 1937 год на свободе.

Отца Георгия арестовали накануне массовых арестов духовенства. Может быть поэтому, его судьбу вершила не печально известная своей жестокостью Тройка, а Специальная коллегия Воронежского областного суда, позволявшая себе выносить более мягкие приговоры. Во время обыска оказалось, что изымать у батюшки, в общем-то, нечего.

На начальной стадии ведение следствия по делу священника Коршикова было поручено помощнику оперуполномоченного Шаталовского РО НКВД сержанту госбезопасности Привалову. Он уложился в четыре дня.

Все основные допросы и очные ставки обвиняемого со свидетелями состоялись в первые два дня после ареста, а затем потянулись долгие недели ожидания участи в Воронежской тюрьме.

Председатель 1-го Городищенского сельского совета Р.А. (а по совместительству и один из лжесвидетелей) по просьбе НКВД выдал на «гражданина Коршикова» нелестную характеристику. В ней говорилось, что отец Георгий «в период его нахождения в селе Городище вел агитацию среди населения против Советской власти, в частности 17-го мая 1937 года гр-н Коршиков в здании 1-го Городищенского сельсовета в присутствии публики агитировал за то, что социализм ведет к голоду, обнищанию и вымиранию населения»³.

На допросе 4 июня председатель описал эту сцену подробнее:

«В частной беседе возник вопрос, что понимать под словом «верую». Коршиков дал объяснение, что верую — значит, признаю. Я заметил: «Что ж выходит

³ Архив УФСБ РФ по Белгородской области. Дело №1948.

СВИДЕНИИ НЕТ.
 19/6 1937
 Справку назвал

Лист № 4
 К делу № 6971

АНКЕТА АРЕСТОВАННОГО

Шаталовский Районный НКВД по Вур. обл.

1. Фамилия Коршиков

2. Имя и отчество Георгий Георгиевич

3. Дата рождения: число 6 - месяц декабрь год 1880

4. Место рождения с. Бутарки Машуровского р-на Вур. обл.

5. Местожительство (адрес) с. Водуши Шаталовского р-на Вур. обл.

6. Профессия и специальность существитель религиозного думца

7. Место службы и должность или род занятий существитель

(указать без сокращений, название предприятия или учреждения и характер производства)

8. Паспорт не имеет не имеет не имеет
(когда и каким органом выдан, номер и категория, где прописан)
не имеет

9. Социальное происхождение крестьяне - существитель Шумского
(род занятий родителей и их имущественное положение)
2 лошади, 1 корова, 10 овец

10. Социальное положение (род занятий и имущественное положение арестованного)

а) до революции крестьянин существитель Шумского
2 лошади, 1 корова, 10 овец

б) после революции с 1919г. существитель религиозного думца

11. Образование (общее и специальное) 9-е классное земское
училище

Из следственного дела Георгия Коршикова

веровать в бога, значит, признавать его существование, тогда как никаких доказательств, что он есть, не имеется». Коршиков на это ответил: «Вы же веруете в социализм, хотя его нет, и вы не знаете, какой он будет и будет ли вообще». На это я ему возразил, что социализм мы признаем потому, что социализм уже построен в нашей стране, и он не является чем-то неизвестным». На это мне Коршиков ответил: «Если вы под социализмом понимаете голод и разорение людей, то такой социализм, действительно, советская власть построила, а настоящего социализма нет и не будет». После этого он ушел, а я остался принимать посетителей».

То, что разговор о вере и социализме в стенах сельсовета действительно был, подтвердил еще один свидетель — счетовод, повторив показания председателя почти слово в слово. Не отрицал факт беседы и сам обвиняемый, но в его изложении все было немного иначе: «17 мая сего года я был приглашен в сельский совет. После разговора по существу (то есть я был предупрежден не отбирать у граждан, кои обращаются ко мне, свидетельство ЗАГС) перешли на такой разговор о религии, в котором возник вопрос, что понимать под словом «верую». Я сказал Р.А.: «Ты вот споришь, а сам не понимаешь, что значит слово «верую». И разъяснил, что слово верую — значит признаю. Р.А. ответил: «Это неверно. Как же признавать, что не доказано». Я ему ответил: «Вы же вот веруете в социализм, а мы веруем в Бога». Я понимаю, что вера в социализм — это вера в будущее материальное, а вера в Бога — это вера в будущее духовное, то есть в загробную жизнь. Так мною было разъяснено. На этом разговор закончился».

Следователь спросил: «Было ли на Вами сказанное о вере в будущность социализма возражение Р.А. о

том, что социализм мы признаем, потому что это уже не будущее, что социализм мы уже построили. И какой был ответ Ваш на это?»

«Такого возражения Р.А. о том, что мы уже социализм построили, не было», — ответил отец Георгий.

Следователь: «Из показаний свидетеля Р.А. и других явствует, что на его замечание о том, что социализм мы уже построили, с Вашей стороны последовал ответ: «Если под социализмом понимать голод и разорение людей, то такой социализм советская власть уже построила, а настоящего социализма нет и не будет». Отвечайте по существу этого».

О. Георгий: «Такого заявления с моей стороны не было, равно как и не было слов Р.А. о том, что социализм мы уже построили».

Следователь: «Имела ли место у Вас встреча с гражданином Р.Ф. 4 мая сего года у склада кожсара? Кто еще присутствовал и каким был разговор?»

О. Георгий: «Встреча эта была. Я подошел к амбару, где сидел Р.Ф. Сел я на подводу. Вначале спросил его об отоваривании сданной мною кожи, а затем перешло к шуткам и анекдотам. Я в свою очередь рассказал анекдот, как избирали попа. Пустили запряженную лошадь в борону, она пришла дому Пахома. Ну и порешили: «Ты, Пахом, будь попом». За время разговора пришел гражданин Ш.Т.»

Следователь: «Какие еще были при этой встрече разговоры?»

О. Георгий: «Никаких других разговоров больше не было. После прихода Ш.Т. я вскоре ушел».

Следователь: «Разговор этот был на Пасхальной неделе. Не было ли со стороны Р.Ф. вопроса о доходах?»

О. Георгий: «Да, помню, что Р.Ф., шутя, задал вопрос: «А небось много яиц набралось?». Я ответил ему: «А

какие теперь яйца? Где они есть? Это не то, что было раньше. Кто их теперь принесет?»

Следователь: «Было ли со стороны Р.Ф. замечание по адресу попов, что они обманывают народ и живут за счет обмана людей, затемняя их? Что вы ответите на это?»

О. Георгий: «Такие замечания-упреки, что мы, попы, обманываем людей, со стороны Р.Ф. были, и я ему ответил пословицей, которую когда-то слышал от одного священнослужителя-дьячка: «Всяк живет своей профессией: мужик — горбом, купец — торгом, а поп — горлом». Больше я ничего не сказал».

Следователь: «По показанию свидетелей Р.Ф. и Ш.Т. Вы в ответ Р., кроме приведенной выше Вами пословицы, ответили: «Обманывает вас советская власть. Обещает вам хорошее в будущем, а на деле люди голодают, и жизнь все ухудшается». Отвечайте по этому вопросу».

О. Георгий: «Кроме приведенной выше мною пословицы, я ничего не говорил и обвинения в адрес советской власти в обмане я не делал».

Следователь выдвинул против священника новое обвинение, основанное на свидетельском показании двух крестных родителей З.М. и Б.И., которые якобы слышали в марте 1937 года от батюшки во время совершения Таинства Крещения недовольство на условия жизни. А именно, по словам «свидетелей», отец Георгий попросил хлеба и, услышав в ответ, что хлеба у крестьян нет, сказал: «По этой жизни у нас и не будет хлеба. Надвинулась на нас какая-то грязь. Раньше при помещиках лучше жилось, всегда был хлеб».

Отец Георгий не стал отрицать, что крещение младенцев на дому он совершает довольно часто, но конкретных обстоятельств этого случая и вообще случаев высказывания недовольства вспомнить не смог.

Следователь сообщил, что та же крестная мать пожаловалась, что священник в беседе с нею на исповеди настаивал на том, чтобы она с мужем повенчалась.

Отец Георгий вновь не вспомнил конкретно этого случая, но объяснил: «При исповеди я всегда спрашиваю «венчалась ли?». И получив отрицательный ответ, даю наставление, что нужно венчаться... Незаконно одно исполнять, а другую заповедь нарушать. И делать это я считаю своим долгом. Внушения соблюдать религиозные обряды я делаю не публично, а при исповеди — наедине».

На следующий день состоялись две очные ставки со «свидетелями». Те подтвердили свои показания, отец Георгий охарактеризовал их как ложные и не признал за собою вины.

7 июня оперуполномоченный вызвал священника на повторный допрос и потребовал либо признания своей вины, либо слов оправдания. Батюшка ответил: «Свидетели на очной ставе уличают меня в антисоветской деятельности, но я настаиваю на своих ранее данных показаниях и виновным себя не признаю. В свое оправдание я показать ничего не имею». В довершение объяснения отец Георгий попросил допросить единоличника П.Ф., еще одного свидетеля, присутствовавшего при разговоре о вере в сельсовете. Тот был вызван, но заявил, что суть разговора не уловил, так как пришел уже в конце его. В отношении не желавшей венчаться женщины священник добавил: «Что я могу признать, так это то, что я ей внушал обвенчаться церковным браком. Случаи внушения соблюдения религиозных обрядов у меня не единичны, так как я оставляю за собой право религиозной пропаганды. И ее я проводил не массово, а единично».

Следователь: «В силу того, что показания свидетелей Вы отрицаете, нет ли со стороны свидетелей по делу личных счетов с Вами?»

Отец Георгий: «Ни с кем из свидетелей, проходящих по делу, допрошенных на очной ставке, у меня никаких личных или иных счетов нет. Знаю я их как граждан с. Городище и только. Никаких неприязненных отношений у меня к ним не было со своей стороны. Считаю, что так же и у них».

На этом запас вопросов у оперуполномоченного Привалова закончился, и 8 июня он подвел итоги своей работы, составив обвинительное заключение.

Вероятно, начальник Шаталовского РО НКВД лейтенант госбезопасности Гетманцев, взглянув на этот документ опытным взглядом, остался им не доволен и взял доследование дела городищенского священника в свои руки. Впоследствии он уже не доверял «церковных дел» своим помощникам, а сам проводил допросы священнослужителей.

26 июня он устроил отцу Георгию Коршикову сразу два допроса. На первом продолжительном допросе Гетманцев в более резкой и сжатой форме повторил все обвинения, выдвинутые против батюшки ранее. «Вы лжете! — выкрикивал следователь. — Я еще раз требую показывать следствию правду. Будете ли вы говорить правду?».

Отец Георгий, в который раз повторяя свои объяснения, говорил: «Я ничего от следствия не скрываю и говорю правду».

Если верить составленному протоколу, после напряженного разговора священник сам попросил сделать перерыв. «По существу своих показаний — продумаю дополнительно — сейчас дополнить ничего не имею».

Спустя некоторое время, в дополнительном протоколе допроса мы читаем такие слова, якобы сказанные обвиняемым Коршиковым: «Продумав всю сумму предъявленного мне обвинения, я прихожу к тому, что действительно с моей стороны были допущены факты контрреволюционной деятельности, направленные против мероприятий советской власти... Виновным себя в совершенном мною преступлении признаю».

Начальник РО НКВД облегченно вздохнул, следствие объявил завершенным, составил новое обвинительное заключение и передал дело священника Георгия Коршикова на рассмотрение Специальной коллегии Воронежского облсуда.

2 сентября коллегия без участия прокурора и адвоката рассмотрела дело отца Георгия и признала установленным, что «обвиняемый Коршиков, будучи враждебно настроен по отношению к советской власти, систематически проводил среди населения села Городище контрреволюционную агитацию, направленную против колхозного строительства, против построения социализма и возводил контрреволюционную клевету на советскую власть».

На заседании суда отец Георгий виновным себя не признал. Но коллегия решила, что он достаточно «изобличается свидетельскими показаниями и материалами дела», и приговорила его к лишению свободы в Исправительно-трудовых лагерях НКВД сроком на восемь лет, вдобавок взыскав с осужденного «судебные по делу издержки в сумме 252 рубля».

Приговор батюшка решил обжаловать в Верховном суде РСФСР. Однако судьи высшей инстанции 1 октября выразили свое согласие с воронежскими коллегами и приговор вступил в законную силу.

31 декабря 1937 года осужденный Г. Г. Коршиков прибыл для отбытия наказания в Каргопольлаг НКВД. В 1940 году он предпринял еще одну попытку изменить свою участь. Но воронежская прокуратура вновь подтвердила справедливость приговора. Восемь лет оказались слишком большим сроком для городищенского священника. Ему хватило и пяти. Отец Георгий умер в отдельном лагерном пункте №14 Каргопольлага 23 марта 1942 года⁴.

⁴ Главный информационный центр МВД РФ. Ответ на запрос Историко-архивной комиссии Курской епархии.

Содержание

Я за веру готов умереть. Жизнеописание священника Никиты Котенева (1882–1937)	3
Часть первая: «Я верующий»	3
Портной из Котеневки.....	4
Чистое сердце.....	7
Агент НКВД приезжал к батюшке на исповедь.....	9
Юродивый Кузя, обмирающая Наталья и другие «дмитриевцы»	11
Аресты и допросы.....	14
Письмо к владыке	18
«Спасется лишь тот, кто останется верующим до конца»	20
Матушкины мытарства	25
Часть вторая: «Дети, не забывайте Бога, и Господь не оставит вас своею благодатью...»	27
Иоанн	27
Феодор	29
Пелагия	30
Евдокия.....	31
Приложение 1 Долгий срок — как медленный расстрел. Жизнеописание священника Василия Агаркова (1890–1938).....	34
Приложение 2 Диспут о вере в стенах сельсовета. Жизнеописание священника Георгия Коршикова (1880–1942)	42

Подготовка настоящего издания осуществлялась в рамках исследовательской работы, которую проводит Историко-архивная комиссия по изучению материалов о репрессированных священно- (церковно-) служителях Курской епархии.

Выражаем признательность за участие в сборе информации родственникам священника Никиты Котенева: Евдокии Никитичны Леденевой (дочь), Ивану Федоровичу Котеневу (внук), Александре Петровне Теряевой (внучка), Николаю Николаевичу Теряеву (правнук).

Благодарим за помощь в исследовательской работе Вячеслава Михайловича Рябкова, Василия Владимировича Меженина, Валентину Викторовну Боеву, Оксану Михайловну Хижнякову, Сергея Петровича Зверева, Ирину Ивановну Лыфарь, Татьяну Ивановну Зачиняеву, Светлану Александровну Крюкову, Валерия Дмитриевича Шатилова, Надежду Петровну Акимову, Сергея Михайловича Сотникова, Валентину Афанасьевну Кутепову, Наталью Дмитриевну Решетникову, Константина Алексеева, Светлану Олеговну Воронцову, Светлану Владимировну Шестакову, иерея Андрея Капшука, иерея Виталия Калинича.

Божие благословение всем, кто принимает участие в издании и распространении книг, подготовленных Покровским храмом в селе Кунье.

Священник Владимир Русин — председатель Историко-архивной комиссии по изучению материалов о репрессированных священно- (церковно-) служителях Курской епархии; настоятель Покровского храма в селе Кунье и Димитриевского храма в селе Средние Апочки; член Союза Журналистов России.

«Я за веру готов умереть. Жизнеописание священника Никиты Котенева» — седьмая книга, подготовленная отцом Владимиром и изданная в серии «Православное краеведение». Написана она по материалам следственных дел, хранящихся архиве Управления ФСБ РФ по Белгородской области. Отец Никита родился в селе Котеневка (Старооскольский р-н Белгородской обл.), служил селах Никольское (Горшеченский р-н Курской обл.), Нижнее Гурово (Советский р-н Курской обл.), Дмитриевка (Старооскольский р-н Белгородской области).

В издание вошли очерки о священниках Василии Агаркове (родился в х. Агарков Касторенского р-на Курской обл., служил с. Солдатское Старооскольского р-на Белгородской обл.) и Георгии Коршикове (родился в с. Большие Бутырки Мантуровского р-на Курской обл., служил в с. Городище Старооскольского р-на Белгородской обл.). Они, так же как и священник Никита Котенев, были репрессированы в 1937 году.

Журнальная версия очерков, составивших данную брошюру, публиковалась на страницах газеты 1-го Старооскольского благочиния «Православное Осколье» в 2009–2010 годах.

В настоящее время материалы о жизни и мученической кончине иереев Никиты Котенева и Василия Емельянова (о нем читайте в книге «Расстрелянный в сорок первом») переданы в Синодальную комиссию по канонизации святых Русской Православной Церкви.

ПРАВОСЛАВНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

Священник
Владимир Русин

Я за веру готов умереть

Жизнеописание священника
Никиты Котенёва

По вопросу сотрудничества и приобретения книг,
изданных при участии Покровского храма
(с. Кунье Горшеченского р-на Курской обл.),
можно обращаться
по тел. 8-915-567-27-31
или
rusinvm@yandex.ru.

Отпечатано в типографии ООО ИПК «Кириллица»,
г. Старый Оскол, ул. Ленина, 15, тел.: 22-63-60.
Сигнальный тираж 500 экз. Заказ №176.

Издание Свято-Покровского храма села Кунье
Горшеченского района Курской области
2011